

ИСКУССТВО

МЫ НЕ РАЗВОДИЛИ РУКАМИ, А ПЕЧАТАЛИ

Главный редактор журнала «Искусство кино» Константин Щербаков беседует с корреспондентом «НГ»

Максим Андреев

Интервью

— К ОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧУ САНДРОВИЧУ, насколько я знаю, вы были очевидцем польских событий 10-летней давности.

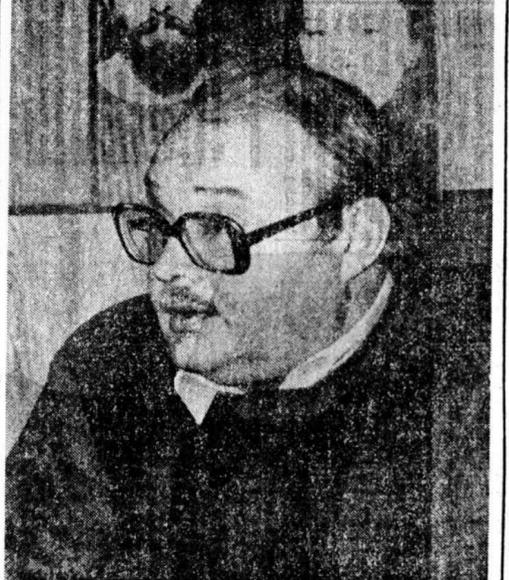

Фото Сергея Калугина.

— Да, я работал тогда представителем Всесоюзного агентства по авторским правам в Варшаве.

— Такое сравнение стало уже очень банальным, но все же стоило ли, на ваш взгляд, сценарий прошедшего года в Польше и наших августовских событий?

— Знаете, если скажи, то очень отдаленно. Во-первых, я глубоко убежден, что были абсолютно различные политические, а главное, нравственные цели у генерала Ярузельского, который тогда вел военное положение в Польше, и у этих мерзавцев, которые действовали у нас.

— Вы недавно смотрел еще раз «Человек из железа», и, наверное, поэтому мне трудно с вами согласиться.

— Понимаете, тут можно соглашаться, но не по отношению к человеку, а к ситуации. Конечно, Анджей Вайда глубоко симпатизирует «Солидарности» — это совершенно понятно. Я, разумеется, тоже. А о Ярузельском я говорю именно как о фигуре глубоко трагической. Человек, который понимал, что ему этого не простят, но не видел себя другого выхода. Он лучше других знал, чего мы хотим от других, и что можно проиграть в случае вступления наших войск. Фактически он спас страну от гражданской войны. Я потом несколько раз бывал в Польше, в последний раз во время президентских выборов в прошлом году. Так вот, в одном из телевизионных выступлений Ярузельский, объясняя свою позицию, сказал примерно следующее: «Представьте себе, что машинист идущего на огромной скорости поезда вдруг видит, что вперед выпрыгивает человек, косячок, резина дергает стоп-кран, поезд останавливается — есть ранение, покатывается, но большинство людей живы». Пожалуй, в этом образе то что есть... Кстати, я смотрел эту передачу вместе со своими друзьями (покажи — естественно, пионерскими «Солидарностями», и вдруг один из них воскликнул: «Нам бы такого президента!» Я на него посмотрел торополо, а он объяснял: «Такое, но не можно. Понимать-то они, конечно, не могут, но простить случившееся все равно не могут. Так что если связывать, то Ярузельский совершил это, руководствуясь глубоко патристическими соображениями, а наши мерзавцы действовали ради своих кресел, ради своей шкуры, ради своей системы. Разница очень большая, если говорить о нравственной стороне дела. И потом, как это не банально, но у нас переводчик был совершенно бездарным. В Польше же он был осуществлен высокопрофессионально.

— И не случайно начал беседа с политиком, так как в последние годы «Искусство кино» регулярно разговаривает с читателями именно на эту тему и, мне кажется, часто в ущерб кинематике.

— Видите ли, я не открою Америку, если скажу, что кинематограф сейчас находится как бы на периферии общественного внимания, и поэтому, если делать журнал, замечательный исключительно на проблемах кино, то он немедленно потеряет читателей. Не отказываться от своего мультимедийного перформанса мы тоже не считаем возможным. У нас в коллективе после долгих споров выработалась общая концепция, согласно которой кинематограф в журнале подается в общекультурном и общеполитическом контексте. Сегодня — в общекультурном преимущественно, посмотрите последние номера. Ставаемся, конечно, найти органические связи, чтобы не получилось так: отдельно — кино, а отдельно — культура и все остальное. Мне кажется, что в лучших номерах это удается.

— Вы недавно смотрел еще раз «Человек из железа», и, наверное, поэтому мне трудно с вами согласиться.

— Понимаете, тут можно соглашаться, но не по отношению к человеку, а к ситуации. Конечно, Анджей Вайда глубоко симпатизирует «Солидарности» — это совершенно понятно. Я, разумеется, тоже. А о Ярузельском я говорю именно как о фигуре глубоко трагической. Человек, который понимал, что ему этого не простят, но не видел себя другого выхода. Он лучше других знал, чего мы хотим от других, и что можно проиграть в случае вступления наших войск. Фактически он спас страну от гражданской войны. Я потом несколько раз бывал в Польше, в последний раз во время президентских выборов в прошлом году. Так вот, в одном из телевизионных выступлений Ярузельский, объясняя свою позицию, сказал примерно следующее: «Представьте себе, что машинист идущего на огромной скорости поезда вдруг видит, что вперед выпрыгивает человек, косячок, резина дергает стоп-кран, поезд останавливается — есть ранение, покатывается, но большинство людей живы». Пожалуй, в этом образе то что есть... Кстати, я смотрел эту передачу вместе со своими друзьями (покажи — естественно, пионерскими «Солидарностями», и вдруг один из них воскликнул: «Нам бы такого президента!» Я на него посмотрел торополо, а он объяснял: «Такое, но не можно. Понимать-то они, конечно, не могут, но простить случившееся все равно не могут. Так что если связывать, то Ярузельский совершил это, руководствуясь глубоко патристическими соображениями, а наши мерзавцы действовали ради своих кресел, ради своей шкуры, ради своей системы. Разница очень большая, если говорить о нравственной стороне дела. И потом, как это не банально, но у нас переводчик был совершенно бездарным. В Польше же он был осуществлен высокопрофессионально.

— И не случайно начал беседа с политиком, так как в последние годы «Искусство кино» регулярно разговаривает с читателями именно на эту тему и, мне кажется, часто в ущерб кинематике.

— Видите ли, я не открою Америку, если скажу, что кинематограф сейчас находится как бы на периферии общественного внимания, и поэтому, если делать журнал, замечательный исключительно на проблемах кино, то он немедленно потеряет читателей. Не отказываться от своего мультимедийного перформанса мы тоже не считаем возможным. У нас в коллективе после долгих споров выработалась общая концепция, согласно которой кинематограф в журнале подается в общекультурном и общеполитическом контексте. Сегодня — в общекультурном преимущественно, посмотрите последние номера. Ставаемся, конечно, найти органические связи, чтобы не получилось так: отдельно — кино, а отдельно — культура и все остальное. Мне кажется, что в лучших номерах это удается.

— Вы недавно смотрел еще раз «Человек из железа», и, наверное, поэтому мне трудно с вами согласиться.

— Понимаете, тут можно соглашаться, но не по отношению к человеку, а к ситуации. Конечно, Анджей Вайда глубоко симпатизирует «Солидарности» — это совершенно понятно. Я, разумеется, тоже. А о Ярузельском я говорю именно как о фигуре глубоко трагической. Человек, который понимал, что ему этого не простят, но не видел себя другого выхода. Он лучше других знал, чего мы хотим от других, и что можно проиграть в случае вступления наших войск. Фактически он спас страну от гражданской войны. Я потом несколько раз бывал в Польше, в последний раз во время президентских выборов в прошлом году. Так вот, в одном из телевизионных выступлений Ярузельский, объясняя свою позицию, сказал примерно следующее: «Представьте себе, что машинист идущего на огромной скорости поезда вдруг видит, что вперед выпрыгивает человек, косячок, резина дергает стоп-кран, поезд останавливается — есть ранение, покатывается, но большинство людей живы». Пожалуй, в этом образе то что есть... Кстати, я смотрел эту передачу вместе со своими друзьями (покажи — естественно, пионерскими «Солидарностями», и вдруг один из них воскликнул: «Нам бы такого президента!» Я на него посмотрел торополо, а он объяснял: «Такое, но не можно. Понимать-то они, конечно, не могут, но простить случившееся все равно не могут. Так что если связывать, то Ярузельский совершил это, руководствуясь глубоко патристическими соображениями, а наши мерзавцы действовали ради своих кресел, ради своей шкуры, ради своей системы. Разница очень большая, если говорить о нравственной стороне дела. И потом, как это не банально, но у нас переводчик был совершенно бездарным. В Польше же он был осуществлен высокопрофессионально.

— И не случайно начал беседа с политиком, так как в последние годы «Искусство кино» регулярно разговаривает с читателями именно на эту тему и, мне кажется, часто в ущерб кинематике.

— Видите ли, я не открою Америку, если скажу, что кинематограф сейчас находится как бы на периферии общественного внимания, и поэтому, если делать журнал, замечательный исключительно на проблемах кино, то он немедленно потеряет читателей. Не отказываться от своего мультимедийного перформанса мы тоже не считаем возможным. У нас в коллективе после долгих споров выработалась общая концепция, согласно которой кинематограф в журнале подается в общекультурном и общеполитическом контексте. Сегодня — в общекультурном преимущественно, посмотрите последние номера. Ставаемся, конечно, найти органические связи, чтобы не получилось так: отдельно — кино, а отдельно — культура и все остальное. Мне кажется, что в лучших номерах это удается.

Понедельник

14 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Новое поколение...

Вторник

15 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

Среда

16 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

Четверг

17 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

Пятница

18 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

Суббота

19 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

Воскресенье

20 ОКТЯБРЯ
Первая программа, 6.30 «Утро», 9.05 Детский час...

малое количество призов на всех международных кинофестивалях и приобретений почти всеми телекомпаниями мира.

музыкальный клуб, 17.35 Эпопея, 18.00 «Восстание», 18.45 Политический диалог...

фильм, 22.35 «Сомнение», «Кто поможет безработным?», 23.05 «Фермер-91»...

«Вниманию: снимание!», 18.05 «Дипломатические беседы», 19.05 «Принимает участие Андрей Бабков»...

«Восстание», 18.45 «Человек из железа», 19.30 «Портрет», 20.00 «Поле чудес»...

Майя, Мультифильм, 19.00 «История кино», 19.30 «Политический диалог»...

Тележурнал, 17.40 «Мы все из одного мира», 18.00 «Международный театральный пролет»...

15.00 «Настели». Док. телефильм, 17.00 «Содружество», 18.00 «Линия Земли»...

«Катенька», Худ. фильм, 12.30 «Восстание», 13.00 «Восстание», 13.30 «Восстание»...

«Признание в любви», 19.00, 20.15 «Под знаком...», 20.00 «Птицы рядом с нами»...

«Признание в любви», 19.00, 20.15 «Под знаком...», 20.00 «Птицы рядом с нами»...

«Признание в любви», 19.00, 20.15 «Под знаком...», 20.00 «Птицы рядом с нами»...

«Признание в любви», 19.00, 20.15 «Под знаком...», 20.00 «Птицы рядом с нами»...

«Признание в любви», 19.00, 20.15 «Под знаком...», 20.00 «Птицы рядом с нами»...

Я и мой нес слушаем
РАДИО
на волне 71,3 МГц УКВ